

ШКОЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ В ПЕРИОД ТОКУГАВА

КНЯЖЕСКАЯ ШКОЛА КАК ЭЛЕМЕНТ СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Александр Федорович ПРАСОЛ, кандидат филологических наук. В 1975 г. окончил Дальневосточный государственный университет по специальности «японский язык и литература». Защитил кандидатскую диссертацию по японской лингвистике. Специализируется в области японского языка и культуры. В настоящее время работает в должности доцента в государственном университете города Ниигата (Япония).

В современных развитых странах система образования признается одним из важнейших социальных институтов. Отношение общества к обучению и воспитанию детей не только аккумулирует в себе накопленные поколениями предшественников традиции и убеждения, но во многом определяет темпы развития самого общества. Японская система образования в последние десятилетия привлекает внимание специалистов не только потому, что являет собой важный элемент отличного от европейской культуры и весьма самобытного этноса, но и потому, что результаты ее работы повсюду в мире оцениваются достаточно высоко. В частности, общепризнанным ее достоинством считается высокий средний уровень знаний выпускников средних и высших учебных заведений при одном из наиболее высоких в мире показателей общей образованности населения — по числу их выпускников страна также в числе мировых лидеров¹. Как и многие другие сферы общественной жизни, японское образование представляет собой удивительное сочетание складывающихся веками традиций и новейших достижений цивилизации. В этой статье рассматриваются некоторые особенности одного типа японской средневековой школы, сыгравшей позднее важную роль в становлении современной системы образования.

Первые школы в Японии появились не в средние века, а гораздо раньше. Из исторических документов известен факт существования школы еще при императорском дворе периода Хэйан (794—1185 гг.). Оставила свой след в истории страны и старейшая школа Асикага (территория современной префектуры Тотиги, к северо-востоку от Токио), упоминание о которой содержится в записях годов правления Эйкё (1429—1441 гг.). Даты открытия и закрытия школы точно не установлены, но в летописях отмечается, что в 1600 г. школа еще продолжала работать².

Однако подлинным прообразом современного школьного образования стала система обучения, которая складывалась на протяжении всего периода Токугава — с начала XVII—XVIII вв. и до реформ эпохи Мэйдзи в 70-х годах прошлого века. К этому времени в Японии окончательно сложилось несколько форм школьного и внешкольного обучения. Будучи переплавленными в горниле общественных реформ и модернизированными, они тем не менее сохранили многие базовые элементы системы обучения, которые и сегодня отличают японскую школу от всех прочих.

К началу реформ японское общество имело довольно устоявшуюся систему обучения, в которой различались школьная и внешкольная формы. Последняя исторически предшествовала первой и была доминирующей в период раннего средневековья, но в XVII—XVIII вв., а особенно с последнего десятилетия XVIII в. начала сдавать свои позиции под напором новых веяний.

Внешкольная форма предполагала индивидуальное обучение ученика либо в его доме приходящим учителем, либо в храме (учителем в этом случае был монах), либо в доме учителя. Обучение осуществлялось на основе соглашения между учителем и учеником и было делом сугубо индивидуальным. Иногда учитель в методических целях приглашал еще одного-двух учеников. Профессиональных учителей не было, поэтому их роль выполняли чаще всего либо монахи, либо просто грамотные взрослые — обычно представители самурайского сословия. Отдавая своих детей на обучение, родители часто брали на себя ответное обязательство и учили детей учителей. Кроме внешкольного общего обучения существовало внешкольное профессиональное. Оно заключалось в том, что семья торговца или ремесленника брала на выучку мальчика из другой семьи и в течение 10 лет обучала его практическим навыкам своего ремесла. Эта форма наемного ученичества складывалась столетиями и имела свои устоявшиеся правила и традиции.

К периоду реформ Мэйдзи в Японии существовало три типа школ. Это ханские (княжеские) школы (ханко:*), храмовые школы (тэракоя) и гражданские (частные) школы (сидзюку). Ханские школы учреждались по инициативе правящего военно-феодалного клана и первоначально предназначались для обучения взрослых, главным образом высших самураев, а позднее и их детей. Храмовые школы получили распространение в продолжение веками складывавшегося статуса буддийских храмов как естественных очагов просвещения. В отличие от княжеских школ они делали упор на преподавание начал грамоты и простых навыков, необходимых в повседневной жизни. Гражданские школы по времени возникли чуть позднее первых двух. По организации и содержанию обучения они были похожи на храмовые, но создавались и управлялись по инициативе частных лиц, не связанных ни с местной феодальной верхушкой, ни с религиозными конфессиями.

Эти типы школ зародились не в одно и то же время, пути и темпы их развития не совпадали. Зачастую школа открывалась как ханская, но затем приобретала черты, а то и вовсе превращалась в храмовую или гражданскую.

* Двоеточие после гласной в русской транскрипции японских слов означает удлинение произношения этой гласной.

Многие школы за время существования неоднократно менял свой статус, органы подчинения, источники финансирования и проч.

Достоверных исторических материалов, позволяющих определить дату возникновения и тип школьных заведений в Японии, не сохранилось. Однако японские специалисты по системе образования склонны считать, что особенно велика была роль княжеских школ. Вряд ли можно установить сегодня, какие школы — при храме или при домах правящих феодальных кланов — возникли раньше. Но сам факт принадлежности ханских школ к центрам феодальной власти, полностью контролировавшей жизнь на подвластных им территориях, и в таком жестко детерминированном обществе, как японское, говорит о многом.

Сохранившиеся до сегодняшнего дня отрывочные сведения позволяют предположить, что процесс более или менее заметного распространения княжеских школ занял несколько десятилетий в первой половине XVII в. Первое упоминание о такой школе относится к 1629 г. Речь идет о школе Мэйриндо:, учрежденной феодальным кланом княжества Овари из Нагоя. Весьма вероятно, что эта школа была если не первой, то одной из первых, и притом достаточно большой. Память о ней сохранилась потому, что ее создание послужило примером для многих других феодальных князей и повлекло за собой быстрое увеличение числа таких школ³.

В течение всего довольно долгого времени существования ханских школ у них не было единого названия. В разных местностях их называли по-разному, но чаще всего встречались наименования **ханко:**, **хангаку:**, **хангакко:**, состоящие из иероглифов **хан** со значением «ханство, княжество», **гаку** со значением «учеба, наука, учебное заведение» и **гакко:** «школа». Чаще других употреблялось название **ханко:**.

Как уже говорилось выше, княжеские школы возникли в недрах феодального общества, в самой его сердцевине — при дворах феодальных князей, изолированно и единолично управлявших своими владениями. Их учреждение было ответом на возникшую потребность в ближайших высокопоставленных вассалов князя, которым он доверял управление теми или иными сторонами жизни своего феодального минигосударства. Их обучения требовала не только постепенно возрастающая сложность задач хозяйственного и политического управления, но и необходимость закрепления существовавшего сословно-иерархического деления общества за счет объективного превосходства высших сословий в воспитании и образовании.

В разных княжествах к решению о создании школы приходили по-разному. Одни князья периодически приглашали ученых конфуцианцев для консультаций перед тем, как принять важное решение и имели специально отведенные для этого помещения. Для них идея сделать такие консультации постоянными и привлечь к участию в них ближайших вассалов была не более чем естественным продолжением усовершенствования методов управления. Для других же создание школы было новым делом, на которое шли по самым разным соображениям: одни — чтобы не отстать от соседа, другие — дабы укрепить свое влияние в отдаленных районах княжества, приглашая в школу правивших там вассалов. Но и в том, и в другом случае особенностью ханских школ было то, что они изначально создавались для обучения взрослых представителей самурайского сословия. Идея обучения в них детей появилась несколько позже. Реальные причины, по которым в действительности князья учреждали школы, никогда не фигурировали в документах, и о них можно лишь догадываться. Бумаге же доверяли традиционные рассуждения о самурайской добродетели и заботе о подданных.

Впрочем, школы для обучения молодых самураев-аристократов боевым искусствам существовали задолго до этого. В них будущую элиту учили и

грамоте, но это было делом непервостепенным — владение оружием и верховой ездой, а также знание кодекса чести самурая в то время было важнее.

К середине XVII в. отношение к школе стало постепенно меняться. Воспитание безграничной преданности сюзеру и принципам феодального устройства общества по-прежнему было доминантой в обучении, но для достижения этой цели стали широко применять постулаты классического китаеведения (**кангаку**), в основе которого лежали идеи конфуцианства. Многие княжеские школы сразу после решения об их создании передавались в управление известным ученым конфуцианцам и на первых порах представляли собой небольшие классы, в которых занимался один учитель и один ученик. Если ученик хотел изучать более двух предметов, то он должен был заключить устное или письменное соглашение с другим учителем. Примером такой княжеской школы может служить созданная в 1630 г. по решению центрального правительства школа **Ринкэ**. Свое название она получила от конфуцианского течения Ринкэ, которому власти поручили организацию учебного процесса. После 1690 г., когда началось ускоренное развитие сети ханских школ, школа **Ринкэ**, говоря современным языком, была передана на финансовый баланс одному из феодальных князей и продолжала готовить кадры управленцев для центрального правительства. Всеми вопросами управления школы занималось ее конфуцианское руководство. Через столетие судьба школы еще раз кардинально изменилась: правительство ввело ее в орбиту своего непосредственного управления, стало прямо назначать рядовых учителей и руководство школы, а также контролировать содержание учебного процесса⁴.

Идеи Конфуция о незыблемости существующего общественного устройства и необходимости преданного служения вышестоящему сюзеру как нельзя более подходили для воспитания нравственных убеждений подрастающего поколения в феодальном обществе. Их абсолютное доминирование в сфере морально-этических учений средневекового общества обусловило широкое распространение этих идей не только в качестве учебника жизни вообще, но и учебника обычной грамоты. По текстам древних китайских классиков учились читать и писать, овладевали иероглификой, их заучивали наизусть, и на продвинутых этапах обучения пересказывали и толковали. Наиболее популярными учебными пособиями были труды самого Конфуция, имевшие множество редакционных версий, среди них чаще всего в школах встречались его Четверокнижие и Пятикнижие. В то время существовало множество направлений конфуцианства, которые вели многолетнюю ожесточенную борьбу за право называться единственным истинным наследником китайского мыслителя. Она закончилась в 90-х годах XVII в. победой одной из таких школ, которая именовала себя **сюси-гакуха** («научная школа Конфуция»). Победа была закреплена изданием указа центрального военного правительства о запрете на преподавание в школах «еретических дисциплин», под которыми подразумевались все иные течения и толкования конфуцианской мысли⁵.

Процесс распространения школ в обществе шел неравномерно, в нем были моменты ускорения и замедления. Так, пример одного из самых крупных и мощных кланов **Кумамото**, приступившего в 1755 г. к созданию школ, вызвал волну подражания в менее крупных княжествах и ускорил этот процесс. Но самое большое влияние оказал указ центрального правительства, изданный в период **Кансэй** (1789—1801), в котором прямо говорилось о необходимости подготовки образованных кадров для работы в центральном правительстве и реформирования на основе этого указа школы **Сё:хэй**, напрямую подчинявшейся правительству. Инициатива Саданобу Мацудайра, известного своей политикой поощрения элементов гражданского управления в противовес классическим методам военного феодализма, была воспринята вассалами-даймё

как руководство к действию. Поэтому 90-е годы XVIII в. остались в истории японского школьного образования как период стремительного распространения княжеских школ по всей стране. Последствия указа продолжали сказываться в течение длительного времени. По некоторым данным, в период 1780—1819 гг. в среднем по стране каждый год открывалось 2—3 новые школы, и их общее количество достигло 255⁶.

Постепенно в ханских школах большинство мест учеников заняли дети. Роль и социальная значимость учебы в школе возрастали. Во многих княжествах, особенно крупных, наличие школьного образования стало обязательным условием для получения высокой должности. В некоторых обучении детей самураев высших сословий в обязательном порядке вводилось прямым указом князя.

В разных школах учили по-разному, но общим местом было разделение на воинские искусства и «гражданские» науки. Последним на бумаге зачастую отдавался приоритет, но до тех пор, пока ханские школы оставались учебными заведениями для детей военной аристократии, воинским искусствам на деле уделялось больше времени и внимания. Дети проходили общефизическую подготовку, учились обращению с оружием (меч, копье, лук), искусству верховой езды, осваивали различные виды единоборств без оружия. В княжествах **Аидзу**, **Мито**, **Хаги** и др. (всего их было более 30) изучался такой предмет, как преодоление водных препятствий. Характерно, что несмотря на рост значимости «гражданских» дисциплин и постепенное повышение статуса выпускников школы, им еще долгое время не выдавали никаких свидетельств об окончании, в то время как разного рода дипломы об окончании школы боевых искусств (их называли **мэнкё**: или **мокуроку**) выдавались издавна и повсеместно. В некоторых кланах воинское искусство могло служить заменой знаний. Например, в клане **Сакура** (территория современной префектуры Тиба, восточнее Токио) пониженный в ранге за какую-либо провинность аристократ для возвращения звания должен был получить установленную квалификацию в одном из следующих видов: классическое китаеведение, военная тактика, владение оружием (копье или меч), арифметика, кодекс чести.

Соотношение военных и гражданских предметов стало меняться в пользу последних позже, когда в княжеских школах было разрешено поступать детям представителей низших сословий.

Там, где обучение в школе было обязательным, детям предписывалось учиться с 8 до 20 лет. На первом этапе, до достижения 15 лет по японской системе учета возраста **кадзоэдоси**⁷, изучались грамота и счет. Занятия проводились нерегулярно, поначалу не было и экзаменов, которые позволяли установить, как ученик усвоил материал, не было постепенного усложнения получаемых знаний. Ученик выбирал себе учителя — либо наиболее авторитетного, либо того, кто ему был более симпатичен — и ходил к нему брать уроки. Поучившись некоторое время, он переходил к другому учителю. Если учитель вдруг заболел, занятия прекращались до его выздоровления. Во многих школах обучение было бесплатным в современном понимании, а там, где плата взималась, она преподносилась учеником непосредственно учителю не как денежное вознаграждение за труд, а как символ благодарности за полученные знания (несколько столетий назад разница была существенней, чем сегодня). Объединение учеников в классы, введение экзаменов и принципа постепенного усложнения учебного материала — все эти элементы современной школы появились позднее, с переходом к массовому школьному обучению.

Среди предметов «гражданского» цикла кроме классического китаеведения преподавалась история императорской власти. Оба предмета имели главной задачей воспитание лояльности к существующему общественному устройству и добродетели в соответствии с нормами самурайской этики. Несколько

позднее в школах стали преподавать **рангаку**, или «голландскую науку», и **ё:гаку** или «европейскую науку». В рамках первой в начале XVIII в. особое распространение получили медицинские классы. Это было связано с усилением позиций Голландии в Японии в тот период. Таким образом, помимо трудов классических китайских философов в школе стали преподавать и основы практической медицины, а еще позднее, в рамках «европейской науки» — и астрономию.

Преподавание воинских искусств начиналось на втором этапе обучения, когда ученики достигали возраста 15 лет.

Краеугольным камнем организации жизни школы была иерархичность отношений всех ее участников. Она в полной мере отражала жесткую иерархичность всего феодального японского общества и с самого начала была призвана утвердить ее непреложность в умах учеников. Отношения учеников и учителей, старших и младших учеников между собой, учителей и директора школы, не говоря уже об отношениях с высшими лицами клана — все регламентировалось бесчисленными правилами, подлежащими неукоснительному исполнению. Учителями и директорами в ханскую школу часто назначались конфуцианцы, верой и правдой служившие клану целыми поколениями. Преклонение перед традициями и стремление к стабильности почитались за величайшую добродетель. В этих условиях любое нововведение было обречено на длительный и непростой путь к признанию. Сам князь **даймё** или его ближайшее окружение регулярно посещали школы, присутствовали на экзаменах, на храмовых праздниках и других многочисленных церемониях, в которых школы принимали самое активное участие. Процесс обучения контролировался специально назначенными старейшими представителями клана.

Типичная княжеская школа конца XVIII — начала XIX в. состояла из нескольких строений. В них были классы для практических занятий, лекционные классы, классы для проведения религиозных обрядов, более просторные залы для церемоний, на которых присутствовала вся школа. В отдельных помещениях проходили уроки по боевым искусствам. Большинство школ имели жилые помещения для части учеников, своего рода общежития. Сохранившиеся до 70-х годов прошлого века наиболее крупные школы являли собой пример высокоорганизованных заведений учебного типа.

Финансировались княжеские школы главным образом из княжеской казны. Из нее выделялись средства на капитальное строительство и другие крупные статьи расходов. Часть расходов покрывалась за счет всевозможных пожертвований со стороны храмов и частных лиц, и небольшую долю составляла плата за обучение, вносимая учениками. Довольно распространенным источником дополнительного материального обеспечения были приданные школе земельные участки, на которых ученики выращивали рис и овощи. Они не только приносили дополнительную продуктивную прибавку, но и решали задачу раннего приучения детей к тяжелому труду.

По мере роста количества ханских школ менялся и их характер. Постепенно все больше и больше школ стали разрешать обучение в своих стенах не только детям самурайской аристократии, но и детям простолюдинов. Соответственно менялась и структура финансирования: все большую долю в ней стали составлять деньги, вносимые родителями учеников, специально создаваемые для этого общественные фонды и различного рода пожертвования. Из примерно двухсот пятидесяти школ этого типа, зарегистрированных в Японии к началу периода Мэйдзи, около половины принимали на учебу детей всех сословий.

УЧЕБА И РАСПОРЯДОК ДНЯ В КНЯЖЕСКОЙ ШКОЛЕ

Среди немногих школ, история которых сравнительно полно отражена в исторических документах, школа **Ко:дзё:кан**, созданная в 1697 г. в удельном княжестве **Ёнэдзава**, занимавшем территорию на стыке современных префек-

тур Ямагата и Фукусима. С 1600 по 1868 г. княжеством правили тринадцать поколений семьи Уэсуги. В годы правления девятого по счету **даймё** Уэсуги Харунори (1751—1822) была проведена целая серия реформ, во многом изменивших уклад жизни в княжестве. Одним из звеньев реформы явилось строительство нового здания для школы в 1776 г., через 79 лет после ее создания. Именно в том году школа получила свое название **Ко:дзё:кан**, под которым и вошла в историю. Вместе с новым зданием и названием она получила и новый толчок в своем развитии. Уэсуги Харунори вручил бразды правления школой известному в то время конфуцианскому ученому по имени Хосои Хэйсю (1728—1801), принадлежавшему к научной школе **Сэттю:.** Он был выходцем из крестьянского сословия, родился в княжестве **Овари** (современная префектура Айти). По распространенной традиции того времени он в детстве был принят под опеку правящего в княжестве клана, прошел курс наук и вышел во взрослую жизнь как приемный сын семейства **Овари**. Возглавив школу, Хосои Хэйсю читал в ней лекции по классическому китаеведению, вел каллиграфию и этику. В школу были приняты специально отобранные по способностям и желанию учиться 20 сыновей высокопоставленных аристократов княжества в возрасте от 20 до 30 лет.

Уэсуги Харунори стал первым в истории княжества **Ёнэдзава даймё**, разрешившим учиться в школе сыновьям рядовых воинов-самураев⁸. В 1783 г. на этот счет был издан его указ. В отличие от основных учеников, живших при школе, дети рядовых воинов были приходящими, и для них построили отдельное учебное здание. В соответствии с давней традицией давать наименования зданиям или помещениям, в которых проводились массовые мероприятия церемониального или религиозного характера, новое здание школы получило наименование **Ю:удо:.** С началом обучения приходящих учеников школа **Ко:дзё:кан** перестала быть чисто княжеской и приобрела первый существенный элемент гражданской школы (**сидзюку**).

В 1806 г. происходит важное событие в жизни школы — строится еще один учебный корпус (под названием **Ко:сэйдо:)** и вводится новый предмет — гомеопатическая фармакология. На уроках ученики стали штудировать древние тексты, в которых описывается использование растений для создания лекарственных препаратов и лечения болезней. Наконец в 1824 г. в школе начинают преподавать медицину. Без существенных изменений школа **Ко:дзё:кан** просуществовала до 1871 года⁹.

По размерам эта школа была чуть больше средней. Сыгравший большую роль в ее судьбе **даймё** Уэсуги Харунори был весьма прогрессивно мыслящим руководителем, но тем не менее традиционно отдавал предпочтение воинским искусствам и кодексу чести перед гражданскими предметами. История школы знала времена взлетов и падений. Сменявшие друг друга у руля правления князя по-разному относились к образованию вообще и к школе в частности. О ней то заботились, то забывали. К началу XIX в. школа имела большую учебную аудиторию, зал для религиозных обрядов, зал для торжественных церемоний, книгохранилище, подсобные помещения, а также жилые комнаты для учителей и учеников.

Срок обучения в школе **Ко:дзё:кан** составлял три года. На первый год обучения принимали юношей в возрасте 15—17 лет, на второй — 18—20 и на третий — старше 21 года. Максимальный возраст, до которого можно было учиться — 24—25 лет. Возрастные рамки перехода из класса в класс были примерными и особенно строго не соблюдались. Способные ученики могли продвигаться быстрее других. После трех лет школы желающие могли продлить срок учебы еще на год или два. В этом случае они сами должны были вести уроки у учеников первого-третьего годов обучения, совмещая учебу с

преподаванием. Такие «аспиранты» жили в школьном общежитии за счет казны. После окончания продвинутого курса было два пути — либо ехать в столицу для продолжения учебы, либо поступать на службу к **даймё**. Для подавляющего большинства выпускников образование на этом заканчивалось — они либо получали назначение на административную работу в княжестве, либо оставались работать в школе в качестве штатных преподавателей. Эта система была довольно типичной. Таким образом, уже в начале XVIII в. во многих княжествах существовала сложившаяся в своей основе система подготовки и продвижения кадров.

Распорядок дня в школе **Ко:дзё:кан** был следующим. Жившие при школе ученики просыпались с восходом солнца. Дежурный по школе, сменявшийся ежедневно, со специальной колотушкой обегал все спальные помещения, извещая о побудке и выкрикивая по очереди имена учеников. Получение ответа — сигнал к продолжению движения. После утреннего туалета и уборки спальных мест все собирались в классе и начинался первый урок. Ученики, жившие при школе, делились на две категории: те, кто платил за обучение и проживание (их называли **кидзюкусэй**), и те, кто был освобожден от платы **сёсэй**). Платившие за обучение учились на деньги родителей и принадлежали к родовой аристократии. В княжестве **Ёнэдзава** это были четыре высших разряда самурайской знати. Если они проявляли рвение в учебе, их могли освободить от оплаты. **Кидзюкусэй** не выполняли тех обязанностей по школе, которые предписывались не платившим за обучение **сёсэй**. Для них первый урок, проводившийся перед завтраком, был одной из таких обязанностей — они учили младших приходящих учеников. Количество учеников определялось личными качествами учителя. У одного их могло быть 2—3, у другого — 25—30 человек. Занятия проводились в одной аудитории. Учитель сидел в одном из углов и начинал принимать своих учеников по одному, по двое или по трое в той очередности, в которой они приходили в школу. Обычно ученик в качестве задания получал полстраницы текста и время на подготовку. В зависимости от склонностей преподавателя и личных способностей ученик должен был либо правильно прочесть текст, либо пересказать его. Если в этот день учитель плохо себя чувствовал, то мог дать задание и велеть прийти сдавать материал в его комнату, но такое разрешение могли получить только старшие ученики — младшим вход в общежитие запрещался.

Ученики (они же учителя для младших) из числа **сёсэй** по очереди дежурили по школе. В день дежурства их освобождали от ведения занятий. Дежурный подчинялся двум старшим по возрасту ученикам из числа завершающих обучение. Один из них отвечал за работу с дежурными, в обязанности второго входила регистрация в специальном журнале всего происходящего в школе за день. Среди фиксируемых данных была работа всех служб школы, погода в этот день, фаза луны, посетители школы и т.д. Одной из важных обязанностей дежурного был регулярный осмотр школьного общежития на предмет выявления нарушений. К нарушениям относилось употребление спиртного в стенах школы, использование печей для обогрева комнат, сбор более 4 человек в одном помещении и пр. В 11 часов вечера дежурный отдавал распоряжение погасить свет и обходил помещения с проверкой исполнения. Глубокой ночью он совершал еще один обход.

После окончания первого урока дежурный по школе с помощью той же колотушки подавал сигнал к завтраку. Вся жизнь в школе была регламентирована не только по времени, она предписывала и множество норм поведения. Так, после сигнала ученики должны были быстро собраться к завтраку, но спешить при этом считалось неприличным. Переходя из помещения в помещение, раздвигать и задвигать передвижные перегородки (**фусума**) требовалось

точными движениями, без громких звуков. Питались ученики в разных школах по-разному. В школе **Ко:дзё:кан** рацион ученика в начале XVII в. состоял примерно из 10 частей риса, 10 частей **мисо**¹⁰ и 3 частей овощей¹¹.

После завтрака обе категории учеников, живших при школе, шли на урок к штатным преподавателям и учились сами. Преподаватели тоже делились на разряды. В школе было три-четыре рядовых, два старших (доценты) и один-два заслуженных (профессора) преподавателя. Старших называли **дзёкё:** или **дзёкю:**=кё:си, а заслуженных **тэйгаку**. Получить назначение на эти должности могли либо посвятившие свою жизнь науке выходцы из правящего клана, либо аристократы низших разрядов, имеющие иные заслуги, по распоряжению князя. За особые заслуги профессорам присваивали наивысшее звание **со:кан** или **токугаку**. Среди льгот, положенных им по рангу, была возможность жить вне школьного кампуса. Все прочие преподаватели, включая профессоров, должны были жить при школе. Однако эти наивысшие должности в ученом школьном мире очень часто оставались вакантными из-за отсутствия достойных претендентов.

Все работавшие в школе состояли на казенном довольствии и получали рисовый паек. Повышенное снабжение начиналось с уровня доцента и составляло 100 коку риса в год¹². Профессору было положено 125 коку, а если он занимал административную должность директора школы, то 200. Почетный профессор **со:кан** или **токугаку** получал от 250 коку и выше.

На втором уроке, который проводился после завтрака, ученики **сёсэй** и **кидзюкусэй** занимались вместе в одной аудитории. Места занимали в возрастном порядке — на самые почетные садились старшие. Примечательно, что при этом не учитывалось социальное происхождение (разряд) ученика — фактор, во многих прочих случаях имевший решающее значение. Каждый брал с собой книгу, по которой занимался в данный момент. Старшие ученики имели право пользоваться школьной библиотекой и брать книги оттуда, а младшие должны были доставать их сами. Готовясь к ответу, ученики должны были много читать вслух. Если в княжестве происходило траурное событие (смерть кого-либо из членов правящей семьи), то чтение вслух заменялось на чтение про себя.

Второй урок был продолжительным и занимал все время до самого обеда. Его содержание менялось в зависимости от числа. Деление месяца на декады и использование десятидневки как основного цикла школьного расписания было очень распространено. Так, по третьим и восьмым числам каждой декады (то есть 3-го, 8-го, 13-го, 18-го, 23-го и 28-го числа месяца) второй урок отводился для семинаров по чтению (**кайдоку**). По жребию из класса выбирались трое учеников, которым давали для чтения отрывки из заранее подготовленных учителем книг. Выбирались трудные места из текстов, написанных на древнекитайском (**камбун**), с его нехарактерным для японского языка звучанием и распределением смысловой нагрузки между компонентами. Задание состояло в том, чтобы правильно и без пропусков прочитать заданный отрывок трактата и ответить на вопросы о значении его отдельных элементов.

Четвертого и девятого числа каждой декады на втором уроке проводились семинары по риторике (**ронко:**). На них также выбранные по жребию трое учеников должны были пересказать смысл заданного фрагмента текста своими словами и сформулировать его основные выводы или мораль (**кё:кун**).

По всем остальным числам второй урок был временем самостоятельной работы для учеников.

Для японской школы было очень характерно использование старших учеников для обучения младших, система была разветвленной и тщательно продуманной. Когда ученики-интернатовцы **сёсэй** вели занятия с приходящими учениками, то, если класс был многочисленным, из числа этих последних в

помощь учителю выбирались пятеро добросовестных помощников, которым присваивался ранг «лучший ученик» и которые помогали вести урок, выполняя указания учителя. Это была своего рода работа, но за нее не полагалось никакого вознаграждения. В качестве почетной компенсации им раз в год на княжеской кухне подносили еду и сакэ. Эта традиция не оплачивать работу младших по возрасту или низших по происхождению, а компенсировать ее разовым и более дешевым, но почетным угощением прочно укоренилась в сознании японцев и существовала вплоть до окончания второй мировой войны.

После окончания второго урока и обеда приходящие ученики еще час занимались самостоятельно, а потом получали последнюю в этот день консультацию учителя. Это было время накопившихся за день вопросов и ответов на них.

Затем все достигшие 15-летнего возраста переходили в расположенные рядом учебные помещения для занятий боевыми искусствами (**эмбунко**). Эта традиция заниматься после уроков для головы уроками для тела также сохранилась в современной японской школе. Сегодня ученики, закончив уроки между двумя и тремя часами дня, остаются в школе до пяти-шести часов вечера для занятий в спортивных секциях. И так же, как и триста лет назад, занятия в секциях со школьным учителем ведут ученики старших классов, а нередко и заменяют его.

Большое место в жизни школы занимали церемонии и различного рода торжественные мероприятия, на которых все обязаны были присутствовать по вторым и седьмым числам каждой декады. Участвуя в церемониях, ученики на практике усваивали механизм действий правил конфуцианской морали с ее беспрекословным и демонстративным подчинением младшего старшему и почитанием предков и их традиций. Руководство такими церемониями осуществлял либо первый руководитель школы, либо назначенный им авторитетный преподаватель из числа профессоров.

В иерархии ежегодных массовых мероприятий центральное место занимали весенние и осенние храмовые праздники в честь Конфуция. Порядок их проведения был почти полностью заимствован из Китая. На них обязательно присутствовал сам князь или его ближайшие соратники, центром проведения избирался главный зал для церемоний, ритуал был длительным и предельно формализованным. Выстроившись в строго определенном порядке, участники церемонии продвигались в направлении храма и возлагали почетные дары Конфуцию и его верным ученикам. Порядок движения был строго продуман в соответствии с нормами выражения почтения к мудрости древних и высшему руководству клана. Подношения обычно состояли из продуктов — рис, овощи, фрукты, рыба, плоды. Князь выпивал во славу Конфуция ритуальную чашку сакэ, самые знаменитые ученые княжества зачитывали фрагменты из трудов классиков. Первая часть церемонии в храмовом зале заканчивалась, и после паузы для переодевания князя начиналась вторая, которая обычно проходила в школьном зале для церемоний. Не дожидаясь ее окончания, князь удалялся, а школьники в индивидуальном порядке возносили хвалу Конфуцию¹³.

Важным элементом кодекса поведения был обмен подарками и подношениями. Эта сфера отношений также была четко регламентирована. Ученики высших ступеней школы (**сёсэй**) должны были совершать такие подношения при поступлении на учебу, а также в начале и конце учебного года. В свою очередь они получали аналогичные подношения от учеников младших классов. Дарили обычно продукты, и размер подношения также был определен: он соответствовал пятидневному рисовому рациону одного ученика. Эта традиция обмена продуктовыми подарками существует в Японии и сегодня, причем не в масштабах школы, а в масштабах всего общества. Два раза в год, во

второй половине июня и декабря миллионы японцев отправляют по почте или вручают лично такие подарки тем, кому они считают себя чем-то обязанными.

Соблюдение многочисленных норм поведения в обществе было важным и сложным делом, поэтому кроме церемоний этикет поведения отрабатывался три раза в месяц на специальных занятиях, на которых также должны были присутствовать все ученики школы. Преподавался свод правил, как вести себя достойно во время трапезы, как вручать подношения высшим и низшим, как самому принимать подарки, как вести себя во время церемоний. На занятиях осваивалась сложная наука ритуальных приветствий между представителями разных сословий и рангов и многое другое.

Соблюдая давние традиции, в школе большое внимание уделяли поэтике. Трижды в месяц, по восьмым числам каждой декады, проходили семинары по стихосложению, которые назывались **сикай**. По правилам, они были предназначены только для учеников-интернатовцев, живших при школе, но при наличии желания разрешение мог получить и ученик старших классов из числа приходящих. Такие семинары могли вести преподаватели рангом не ниже доцента. Каждый ученик получал тему, которую ему надлежало воплотить в стихотворной форме, а затем выполненное задание представлялось на суд присутствующих и получало оценку преподавателя. Особое значение, которое придавалось стихосложению, проявлялось в том, что после окончания семинара для всех учеников на стол подавались блюда, несколько отличавшиеся от повседневной пищи. Изредка (при благоприятной финансовой ситуации в княжестве) за счет казны подносили сакэ. Эта традиция княжеской школы также нашла свое продолжение в современной научной и педагогической практике. И сегодня после сколько-нибудь значительной конференции или просто представительного доклада участники в обязательном порядке собираются на небольшой, четко ограниченный по времени банкет, во время которого и проходит обсуждение итогов и решаются многие вопросы.

Сезонных каникул в их современном понимании в ханской школе не было, но последние 10 дней уходящего и первые 15 дней наступившего года от учебы отдыхали. Кроме этого, как и сегодня, было множество кратких перерывов в учебе, связанных с различными памятными датами и празднованиями. Обязательными были пятидневные каникулы по случаю двух самых важных храмовых праздников — весной и осенью. Пять дней отдыхали в середине августа по случаю праздника поминовения предков, который и сегодня считается вторым по значимости после нового года и отмечается всей страной. Были и события местного масштаба, в честь которых отменялись школьные занятия. Например, по одному дню школа не работала по случаю отбытия князя на службу ко двору **сёгуна** и прибытия со службы. Предусматривались и индивидуальные отпуска-каникулы для учеников. Кроме положенных по уставу шести выходных в месяц ученик мог взять внеочередной отпуск на трое суток по случаю своей свадьбы или отъезда родителей к месту службы в дальние края. При наличии иных уважительных причин личного характера мог быть предоставлен отпуск на одни сутки.

Дисциплина и порядок в жизни школы поддерживались с помощью системы наказаний за допущенные нарушения. Самые распространенные были связаны с нарушением правил оформления и использования отпуска: несвоевременная подача заявления или опоздание с возвращением из него. Самая распространенная форма наказания — заключение под домашний арест в общежитии. Одним из важных показателей тяжести проступка было количество приемов пищи в одиночестве, в изоляции от остальных учеников. Например, за небольшое опоздание из отпуска назначался один прием пищи в одиночестве. В школе целенаправленно воспитывалась привычка неукоснительно со-

блюдают установленные правила, какими бы незначительными они ни казались. Так, например, одноразовой изоляцией при приеме пищи наказывался ученик, если он сообщил о полученном отпуске только своему учителю, но не сообщил дежурному по школе, либо наоборот. По правилам, об этом необходимо было сообщить обоим. После отбытия полученного наказания провинившийся ученик должен был одеться в приличествующую случаю одежду и нанести визит директору школы с официальными извинениями. Вообще фактор публичности наказания или извинения практиковался раньше и практикуется сейчас очень широко. В современной школе провинившийся ученик сплошь и рядом вызывается в учительскую комнату на перемене и в присутствии других учителей и заходящих по делам учеников публично выслушивает нотацию от ведущего учителя. Другой важный элемент японской педагогики — изоляция провинившегося. Если ученики, жившие при школе, за мелкие провинности обязаны были обедать в одиночестве, то для приходящих учеников распространенным наказанием был запрет на посещение школы в течение одного или нескольких дней. Этот прием широко применяется и сегодня.

Центральное место в жизни школы занимал период сдачи экзаменов. Для учеников разных категорий они проводились в разное время. Приходящие ученики сдавали их в ноябре, а интерналовцы — в феврале. Ученики, обучающиеся младших (**сёсэй**), сами в сентябре и октябре не учились, а только помогали им готовиться к экзаменам. Экзамен проводился в два этапа. На первом, который назывался **сё:си** («малый экзамен») и фактически был подготовительным, определялся уровень подготовки ученика с тем, чтобы учитель мог дать ему задание по силам на основном экзамене. Этим в значительной мере устранялся карательный элемент экзаменационного теста. Это тоже традиционная особенность японской системы образования, которая сохранилась по сей день. Сегодняшние выпускники повышенной средней школы за два месяца до ее окончания, во второй половине января сдают предварительный экзамен на поступление в высшее учебное заведение. Его результаты нигде не учитываются и не влияют на основной экзамен, который проводится на месяц позже. Экзамен готовится и проводится министерством просвещения в один и тот же час по всей стране в крупных университетах. Его цель — заранее, до основного вступительного экзамена, который организуется уже самими вузами, помочь студенту определить уровень его подготовки и указать примерный перечень вузов, в которые он может реально поступить со своим багажом знаний. Как и двести лет назад, но более современными методами, преследуется цель снизить, насколько это возможно, процент ошибок на уровне притязаний и дать возможность каждому поступить туда, где учиться ему будет по силам.

На экзамене в школе **Ко:дзё:кан** делали то же, что и на занятиях: читали, пересказывали и толковали древние китайские тексты. Этикету поведения во время экзамена уделялось столь большое внимание и он был настолько сложным, что его можно было считать вторым экзаменом. Он был тесно связан с сословностью происхождения и общими требованиями кодекса поведения того времени. Ученикам двух высших разрядов самурайского сословия после вызова к ответу разрешалось проследовать на середину класса, где проходил экзамен, и, заняв место перед экзаменатором, снять и положить рядом полагающийся им меч. Самурай третьего и четвертого разрядов должны были снять меч, едва переступив порог класса. Нижестоящие по рангу ученики обязаны были сделать это, не доходя в класс одного **татами**¹⁴. Те, кто стоял еще ниже по происхождению, должны были не только снять меч, но и преклонить колени. Соблюдение этих и многих других деталей ритуала требовало их абсолютного знания и большого внимания.

Ученики, принадлежавшие к четырем высшим разрядам родовой знати, при получении на предварительном экзамене высокой оценки, допускались к

основному, который проводился в присутствии или самого князя, или старейшин клана, им назначенных. Иногда местом проведения основного экзамена была школа, иногда — родовой замок князя. Ученики ниже четвертого разряда ни при каких успехах в учебе пред очей князя не допускались.

Жившие при школе ученики имели более высокий статус, и поэтому ни предварительного экзамена, ни поощрительных наград, как для проходящих, им не полагалось. Они сдавали только один, основной экзамен в присутствии высшего представителя клана.

Ханская школа была не только учебным заведением, но и рычагом кадровой политики и управления, поэтому многое в ее организации было направлено на поощрение успехов в учебе. В некоторых школах за успешную сдачу экзамена ученикам вручался ценный подарок (обычно книга) от князя. Тех, кто не отличался особыми достижениями, не наказывали, им предоставляли возможность повторно пройти курс. В большей степени это относилось к представителям средней и низшей аристократии. Высшие разряды самураев обязаны были получить образование, если хотели занимать важные посты при дворе князя. Подчинявшиеся непосредственно верховному правителю (**сёгуну**) имели в течение долгого времени преимущество: они могли сдавать экзамен в любое время.

Постепенно назревала необходимость сделать школу более доступной для простого народа и более единообразной. В конце XVIII — начале XIX в. центральное правительство **бакуфу** стало играть решающую роль в деле унификации школьного образования. Повсеместно в княжеских школах было рекомендовано в соответствии с китайской моделью проводить устный экзамен каждый год, а письменный — раз в три года. В 1792 г. вышел указ, разрешающий сдавать экзамены всем желающим. До некоторой степени были унифицированы и требования на школьных экзаменах. Переход из класса в класс попрежнему осуществлялся по возрасту ученика, но постепенно стали учитывать и его индивидуальные способности, проявленные на экзамене. Так, например, в школе княжества **Аидзу**, начиная с 1788 г. была введена система, при которой ученик, не достигший необходимого возраста, мог сдавать переходный экзамен своему учителю в присутствии высшего чиновника и при положительном результате зачислялся в класс и получал в подарок книгу¹⁵. Смысл введения экстерната был не в том, чтобы дать возможность более способным раньше закончить школу (это не поощрялось), а в том, чтобы ученик мог догнать товарищей, если по какой-то причине отстал. В школе княжества **Мито** достигший 15-летнего возраста ученик должен был переходить из начальной школы в среднюю, но если он не сдавал экзамен, его оставляли на повторное обучение. При этом он должен был ходить на учебу чаще, чем прежде, а ведущий учитель обязан был сообщать руководству школы, как ученик соблюдает установленный для него график. Если ученику наука не давалась, и он не мог перейти в среднюю школу даже в 20 лет, ему давали облегченные тексты и переводили в специальную группу для отстающих¹⁶. Индивидуальная работа с учениками, отличающимися повышенными способностями, никогда не практиковалась в японской школе раньше, нет ее и сейчас. Но внимательное отношение к отстающим всегда было отличительной чертой японского образования.

Недостаточность исторических материалов по другим школам не позволяет судить, насколько типичной была организация жизни в школе **Ко:дзё:кан** княжества **Ёнэдзава**, но дает некоторое представление о школьном обучении в период Токугава. Его содержательная сторона базировалась на трудах древних китайских философов, особое внимание уделявших вопросам морали и общественного устройства. Получаемые в школе знания не получали практического

применения в реальной жизни и имели большое сходство с религиозными догмами. Школа должна была воспитывать дисциплину, послушание и трудолюбие, но не индивидуальную любознательность и стремление к новому результату.

Время от времени раздавались отдельные голоса протеста против существующего порядка в школах, но они были редкими и не могли повлиять на общее положение дел¹⁷. Продуманность и тщательность организации учебного процесса и вообще всех сторон жизни в школьном коллективе были выше, чем содержательная сторона обучения. При всей важности знаний княжеская школа периода Токугава была призвана в первую очередь воспитывать достойных членов общества, и только во вторую — обучать их. Крен в сторону воспитания был характерной особенностью не только ханских школ, но и других, существовавших в этот период — храмовых и гражданских. Эта отличительная черта японской школы периода Токугава сохранялась и воспроизводилась при всех последующих реформах системы образования и сыграла немалую роль в формировании современного японского общества.

¹ Economist. 28.06.1997

² Р.П. Дор, Эдо дзидай=но кё:ику (Образование в период Эдо), перевод с англ. Х. Мацуи, Иванами сётэн, 1970, с.63.

³ Дай=ниппон хякка=дзитэн (Большая японская энциклопедия), Сё:гакукан, 1971. т.17. с.377.

⁴ Р.П. Дор. Эдо... С.67.

⁵ Ямадзуми Масами, Нихон кё:ику сё:си (Краткий курс истории японского образования). Иванами синсё, 1987. с.11.

⁶ Ямадзуми М., Там же. С.11; Р.П. Дор. Эдо... С.63.

⁷ Система определения возраста, при которой год рождения считался за полный год независимо от месяца рождения.

⁸ По существовавшим тогда правилам, сыновья воинов-самураев двух низших разрядов, как и дети рядовых воинов, не допускались до учебы.

⁹ Сугихара Кэн, Ёнэдзава=хан=то ко:дзё:кан, — Хангаку сидан сёсю: (Клан Ёнэдзава и (школа) Ко:дзё:кан // Материалы по истории ханского образования. Бунсё:до:=сётэн, 1943.

¹⁰ Мисо — густая бобовая масса, используемая и в современной кулинарии как основа для приготовления многих национальных блюд.

¹¹ Р.П. Дор, уха. соч., с.71.

¹² 1 коку — примерно 150 килограммов.

¹³ Р.П. Дор. Эдо... С.74.

¹⁴ Татами — плотная и толстая соломенная циновка, используемая при настилении полов, площадью около 1,6 кв.м.

¹⁵ Нихон=кё:икуси=сирё: (Материалы по истории японского образования). Т.1. С.682.

¹⁶ Р.П. Дор. Эдо... С.79.

¹⁷ Там же. С.76.

SUMMARY: The paper gives an outline of the Japanese school education in Tokugawa period (1600—1867). In pre-modern times there were three types of school in Japan: (1) feudal principal schools; (2). temple schools and (3). feudal public schools. The author of the article, Candidate of Pilological Sciences Alexander Prasol, gives the greatest attention to the first type of schools. Feudal principal schools had the closest connections with the local authorities in numerous apanage feudal principalities of the country. Most of schools were established and run by ruling feudal clans. Therefore they may be considered as the main part of educational system of the times of bakufu government. Subjects of the description are: origins of such well-known features of contemporary Japanese schools, as persistence of ritualized tradition; formality, order and discipline (fixed not only by established rules, but also by moral example); complicated and at the same time perfectly arranged relations between all the people, involved in school life, and other essential notes. Some notes about curriculum, school subjects, exams and other aspects of everyday life in feudal principal schools are also presented.